

Глава I. Кто такие радикальные природоохранники

Три парашютиста-десантника, снаряженные для боя в холодную погоду, опускались сквозь февральский холод в центре Британской Колумбии. Их миссией, как ни странно, было не разрушать, а защищать; их единственным оружием были их тела. Эти трое — Мира Финкельштейн, Рени Гранди и Ренди Рибин — были членами общественной группы «Друзья Волка», организованной для борьбы с уничтожением волков всюду, где они находились под угрозой. Главной целью их сенсационного выступления было привлечь внимание средств массовой информации, появляясь посреди охоты на волков, спонсируемой правительством, и прекращение ежегодной смертельной резни прямо на месте. Между 1982 и 1987 годом Британская Колумбия израсходовала более 2 400 000 долларов на уничтожение 800 *Canis lupus*, местных волков, ежегодно убивавших тысячи оленей, лосей и карибу, — обычной охотничьей добычи. Правительство организовало охоту на волков, чтобы утихомирить озлобленных охотников и компенсировать убытки, связанные с падением охотничьего промысла. Нанятые правительством охотники приманивали волков грудями мяса карибу. Позже, когда волки насыщались и лежали неподалёку, отдыхая после обильной трапезы, охотники возвращались на вертолётах, и, опускаясь прямо на них, расстреливали их из двенадцатизарядных полуавтоматических винтовок, и лёд становился алым от крови волков. Правительство надеялось, в конце концов, очистить от волков долину реки Мусква, успешно уничтожив половину популяции волков Британской Колумбии.

Тем февральским утром 1988 года Финкельштейн и её друзья-парашютисты приземлились в мягкий снег, собрали свои парашюты и исчезли в густом лесу. Они были подготовлены к недельному пребыванию там. Вместе с третьей женщиной — Сью Родригес-Пастор — Финкельштейн и Гранди готовили эту акцию полтора года. Всё время, свободное от школы, Родригес-Пастор занималась планированием и координацией кампании, а остальные пропустили несколько четвертей, когда начало приближаться время охоты. Каждая из них проделала более тридцати прыжков с парашютом, они добывали оборудование и собрали тысячи долларов благотворительных средств — 14 тысяч в общей сложности — в материальной и денежной форме. За месяц до того, как женщины отправились в субарктическую зону, они приняли в свою команду Рэнди Рибина, мастера парашютного спорта и эксперта по выживанию в условиях дикой природы. Из-за высокой стоимости этой операции, а также в связи с тем, что нужен был человек, близко и подробно знакомый с нею, для удовлетворения интереса средств массовой информации, когда таковой вспыхнет, женщины решили, что одна из них не будет прыгать. Родригес-Пастор вытянула короткую

соломинку и взяла на себя роль пресс-атташе.

Несмотря на участие Рибина и оказанную им помощь в осуществлении прыжка и саботажа охоты, эта акция во всех отношениях была делом рук женщин. Они познакомились в Калифорнийском университете в Дэвисе, и вместе принимали всё более активное участие в природоохранной деятельности. В 1985 году Финкельштейн и Родригес-Пастор слушали выступление Пола Уотсона в Беркли, и именно под его влиянием они присоединились к борьбе за волков. Уотсон был «бунтовщиком» из «Гринписа», который покинул эту организацию в 1977 году и основал радикальное природоохранное общество «Морские пастухи» — группу, посвятившую себя защите китов, дельфинов и других морских млекопитающих средствами, которые включали и протаранивание судов, занимавшихся пиратским китобойным промыслом. В 1984 и 1985 годах Уотсон имел серьёзные намерения остановить охоту на волков в Британской Колумбии, но его усилия не увенчались успехом, поскольку территория, на которой осуществлялась охота, оказалась слишком большой, чтобы охватить всю её одному, передвигаясь наземным способом. Он принял решение осуществить координированное нападение участников саботажа на охотников одновременно с суши и воздуха. Все три женщины из Дэвиса в 1987 году были членами команды судна «Морской пастух», которое успешно изгнало японские рыболовные суда из северных вод Тихого океана. Чем больше они говорили между собой о прекращении охоты на волков, тем больше их увлекала эта идея. Когда во время акции с дрейфтерными сетями они объявили, что хотели бы сделать попытку принять участие в её осуществлении, Уотсон пообещал им свою помощь, когда бы она им ни понадобилась, и предложил направление действий.

Нападение с воздуха было поддержано группой активистов организации «Земля — прежде всего!» («ЗПВ!») — радикальных защитников дикой природы, для которых волк был тотемом. Они намеревались, по предложению Уотсона, прибыть к месту охоты на лыжах. Активисты «ЗПВ!» давно уже боролись с охотой на волков путём пикетирования офисов туристических агентств Британской Колумбии и пропаганды бойкотов среди туристов, намеревающихся её посетить. Последнее было весьма эффективным, поскольку туризм является второй по объёму и значению отраслью экономики Британской Колумбии. Джон Лилберн, нынешний организатор деятельности «ЗПВ!» в Монтане, говорил, что никогда не принимал участия в акциях «ЗПВ!» до того, как прочёл призыв Уотсона о помощи в борьбе с охотой на волков путём прямых акций. Всего за месяц группа Лилберна собрала 2500 долларов и поехала в Канаду под видом энтузиастов — горнолыжников, направляющихся на Олимпийские игры в Калгари. Их истинным планом было прийти на лыжах в зону охоты и в качестве «символического акта» занять озеро. Команда Лилберна не смогла добраться до зоны охоты — это сделала другая группа, но, хотя она и не столкнулась ни с охотниками, ни с волками, — она выразила свой протест перед толпами болельщиков на Олимпийских играх. При этом они добились широкой гласности, так же как и другие члены «ЗПВ!», к примеру, те, что поставили палатку в офисе министра охраны окружающей среды Британской Колумбии Брюса Стречана в день открытия сессии парламента и прямо на месте провели пресс-конференцию.

Активисты боролись за волков и на другом фронте. Во время сбора средств к женщинам подошёл человек, не пожелавший назвать своё имя, и предложил им 10 тыс. долларов в

порядке легальной оплаты их деятельности, если «Друзья Волка» попытаются остановить охоту легальным путём. Он отказался давать средства на кампанию «прямых акций», будучи уверен в том, что подача иска докажет измученным активистам дееспособность системы, которую они считают бесполезной. Хотя американцы и не имеют юридического права выступать истцами канадского суда в Британской Колумбии, группа активистов охраны природы из Ванкувера — Западно-канадский комитет охраны дикой природы (WCWC) в конце концов согласилась подать такой иск. «Нужно использовать все доступные средства, — говорит Финкельштейн, поясняя, почему их группа приняла это предложение. — Сначала мы не больно-то верили в эффективность судебного иска, собственно, совсем не верили. Однако оказалось, что наше дело пошло всё лучше и лучше, и мы старались не отступать и довести его до суда».

В конечном счёте, всё определял правильный выбор времени и соответствующая координация действий. «Если бы сорвалось что-нибудь одно, — утверждает Родригес-Пастор, — то вся акция в целом всё же могла пройти». Они все вместе манипулировали тремя неизвестными: точной датой объявления охоты на волков, датой слушания дела в суде и надолго ли им хватит денег прежде, чем они должны будут отправиться непосредственно в район охоты для осуществления своей акции или прекратить её вообще. Всё сработало превосходно. В понедельник, 22 февраля, министр охраны окружающей среды Стречан объявил, что охота уже началась — следопыты вышли в лес на поиски волков. Финкельштейн и Гранди отправились в Британскую Колумбию немедленно вслед за этим объявлением, а активисты «ЗПВ!» находились там уже десять дней. Родригес-Пастор присоединилась к своим друзьям по борьбе 25-го. Однако собственно отстрел волков был отложен из-за оттепели — снег не шёл, и следопыты не могли увидеть на насте следы волков и обнаружить их самих — для этого им нужен был свежий снег. Наконец, проведя три дня в поисках подходящего места для прыжка, они обнаружили озеро с разбросанной на нём свежей приманкой и волков, весело поглощающих лёгкую добычу, и решили начинать акцию 25 февраля. По-видимому, отсутствие свежего снега не явилось препятствием для начала охоты. Женщины знали, что волки будут вскоре обнаружены и убиты. Поэтому, хотя они хотели отложить свой прыжок как можно дольше из-за иска, но ждать дольше было уже нельзя. Их тревога, связанная с выбором правильного момента для прыжка, усиливалась из-за неясности, как они оттуда выберутся, — у них не было тысячи долларов, необходимых для оплаты вертолёта, который должен был подобрать их после запланированного ими недельного пребывания на месте проведения акции. Но как только средства массовой информации сообщили о приземлении эковоинов, Стречан приостановил охоту во избежание конфронтации. Представители средств массовой информации осаждали пресс-атташе Родригес-Пастор бесконечными телефонными звонками, запрашивая последние новости. Ну и история! Две молодые женщины и мужчина пытаются спасти голодных волков — волков, которые, без сомнения, съели бы своих спасителей, имея для этого хотя бы полшанса, — так, по крайней мере, считала пресса. По-правде говоря, Родригес-Пастор мало что могла сообщить прессе. Нет охотников — нет и акции. Поскольку не было охоты, которую, следовательно, не нужно было прерывать, трио в кустах, приземлившееся около того самого озера с приманкой, где они обнаружили волков, проводило время, бродя по лесу и охраняя волков в зоне охоты. Однако борьба на легальном фронте казалась им теперь более перспективной. Судебный иск был подан в пятницу, на следующий день после прыжка. Суд заявил, что он не издавал предписания на полный запрет охоты вплоть до окончания

рассмотрения всего дела, однако предупредил Стречана, чтобы тот не выдавал разрешения на начало охоты после выходных дней. Рассмотрение дела в суде было назначено на следующий понедельник. Стало ясно, что охота не состоится до тех пор, пока дело будет в суде, и Родригес-Пастор сумела наскрести денег, чтобы вывезти десантников. Спустя чуть больше недели судья Кэрл Хаддарт вынесла решение: разрешение на охоту недействительно, поскольку Стречан делегировал право принятия решения бюрократу низшего уровня ненадлежащим образом. «Друзья Волка» победили. Загадочный меценат оказался прав, — в том, что касается юридических тонкостей. Так или иначе, но охота больше не возобновлялась.

Акция «Друзья Волка» похожа на сотни подобных акций в защиту природы, и поэтому даёт ключ к пониманию того, чем отличаются радикальные активисты охраны природы. Прежде всего, они делают упор на осуществлении «прямых акций» для разрешения природоохранных проблем. Это часто связано с пикетированием офисов законодателей, Национальных лесных управлений или лабораторий, проводящих жестокие опыты над животными. При этом возможны нарушения закона. Некоторые из активистов применяют для достижения своих целей гражданское неповиновение, как те члены «ЗПВ!», которые поставили свою палатку в офисе Стречана, или как «Друзья волка», намеревавшиеся воспрепятствовать охоте на волков. Другие идут несколько дальше, ломая машины и другую собственность, используемые для строительства дорог, разработки шахт, лесных рубок и убийства животных. Именно эта готовность некоторых активистов саботировать орудия «прогресса» и отличает радикальное природоохранное движение от всех предшествующих кампаний в защиту окружающей среды.

Во-вторых, активисты радикального направления борются за сохранение биологического разнообразия. Наука экология понимает под биологическим разнообразием данной местности, в упрощённом изложении, схожесть её состояния с тем, как она выглядела до вмешательства человека. (Биологическое разнообразие может сокращаться также из-за природных катаклизмов, таких, к примеру, как мощное извержение вулкана Кракатау. Однако человечество, а не природные явления, стало самой мощной силой, которая приводит к сокращению природного разнообразия во всём мире.) Биологическое разнообразие может быть более точно названо экологическим разнообразием, поскольку деятели радикального природоохранного движения включают в это понятие не только растения и животных, но также и горы, реки, океаны, то есть как неживые, так и живые аспекты экосистем. Для начала следует отметить, что некоторые местности не очень разнообразны биологически или экологически, например, районы полярных ледников, где никогда не было много растений или животных. В других регионах биоразнообразие огромно. Незначительный участок тропического леса, к примеру, может быть населён тысячами видов насекомых, множеством растений и птиц, связанных сложными взаимоотношениями, которые принято называть «сетью жизни».

В-третьих, большинство экологов действует, главным образом, на своё усмотрение, без каких-либо распоряжений организационной иерархии. Они собираются малыми группами, как те три женщины из Дэвиса или группа Лилберна из Монтаны, и предпринимают прямые акции по поводу тех проблем, которые их волнуют. Обычно речь идёт об экологических проблемах неподалеку от их двора. В то время как в Британской Колумбии охотились на

волков, в Монтане активисты охраны природы обсуждали программу реинтродукции значительного числа волков в Национальный парк Гласье. Благополучие волков в Британской Колумбии важно не только само по себе, но также и потому, что успех там помог расширить территорию их распространения на юг, в Монтану, восстановив тем самым уровень биологического разнообразия, которого страна Больших Небес не знала уже десятки лет.

В-четвёртых, многие активисты радикального природоохранного движения бедны до нищеты. Это — их собственный выбор. Они обладают многими талантами, и многие окончили по меньшей мере колледж. Но их вдохновляет решимость покончить с жестоким, вопиющим отношением человечества к Земле, и они часто занимают низкооплачиваемые должности, связанные с охраной окружающей среды, или работают только часть года, копи деньги для того, чтобы принять участие в следующей акции. Финкельштейн, Гранди и Родригес-Пастор, например, вернулись домой из Канады с долгом в несколько тысяч долларов (огромная сумма, которую они получили для организации судебного иска, могла быть использована исключительно по назначению). Кроме того, члены радикального природоохранного движения выбирают такой образ жизни, который оказывал бы минимальное воздействие на окружающую среду. У некоторых нет автомобилей, многие придерживаются вегетарианства, и почти все избегают деятельности, наносящей ущерб природной среде.

Пятой отличительной чертой радикального природоохранного движения является то, что его активисты обычно имеют самую слабую надежду на то, что им удастся своими силами покончить с практикой, против которой они протестуют. Три активистки, о которых шла речь выше, знали, что они смогут продержаться в джунглях не более недели, и что охота может прекрасно продолжаться после их ухода. Они не боролись за то, чтобы «победить» самостоятельно; они просто делали, что могли, при тех ресурсах, которыми они располагали. Чтобы извлечь максимум пользы из своих усилий, они старались привлечь внимание средств массовой информации к истреблению волков в Британской Колумбии в надежде, что неприятие общественностью этой охоты достигнет такого накала, что она в конце концов будет отменена. Вообще говоря, почти всё, что делают экстремисты охраны природы, предпринимается с оглядкой на то, как это отразится в средствах массовой информации — их сильнейшем оружии в борьбе за спасение Земли.

Кроме того, радикалы часто действуют в поддержку более традиционных групп, как это было в случае с подачей иска WCWC (хотя связи между этими двумя направлениями редко бывают такими очевидными, как в Британской Колумбии, когда «Друзья Волка» дали WCWC средства, необходимые для оформления судебного иска). В крупных лесных регионах, таких как Калифорния, Орегон и Вашингтон, например, радикальные активисты несколько раз занимали рожи секвойи и сосны Дугласа после того, как им сообщали, что традиционные группы типа Легального Фонда защиты природы Сьерра Клуба, пытались добиться судебного запрета лесоповала. Присутствие активистов, сидящих на деревьях, иногда помогает отсрочить начало рубок до того времени, когда начнётся слушание запроса на их запрет. В других случаях радикалы выдвигают настолько экстремальные требования, что предложения традиционных групп, таких как Сьерра Клуб, Общество защиты дикой природы или Национальная Федерация охраны дикой природы, представляются уже более

разумными и умеренными. Эта так называемая «теория ниши» каждой природоохранной группы была решающим основанием для формирования организации «Земля — прежде всего!». Вначале её основатели приняли на себя роль экстремистов в качестве тактики, которая позволяла традиционным группам выглядеть менее радикально и добиться бóльших результатов в охране окружающей среды.

Некоторые черты радикалов характерны, по крайней мере, частично, также и для традиционного природоохранного движения. Биологическое разнообразие всё в большей степени становится предметом заботы природоохранной элиты, и часто давление общественности помогает добиться тех перемен, за которые они агитируют. Однако, как показано в следующей главе, участники традиционного природоохранного движения не склонны предпринимать прямые акции для того, чтобы добиться выполнения своих требований. Они в высшей степени бюрократичны, отнюдь не бедны и, уж если вступают в борьбу, рассчитывают на победу, хотя то, что они называют победой, всегда влечёт за собою какой-либо ущерб для окружающей среды.

Борьба с Эко-Стеной

Для понимания этого движения важны ещё несколько факторов. Важнейшим из них является то, что активистами радикальной охраны природы движет интуитивное экологическое сознание, составляющее как бы душевную силу этого движения, непреодолимую силу, которая понуждает активистов сидеть на деревьях или перед бульдозерами, таранить китобойные суда, освобождать животных, предназначенных для лабораторных экспериментов. Они не единственные, кто остро тревожится за окружающую среду или сильно чувствует свою связь с природой. Их отношение к экологическим проблемам отличается тем, что они не считают человека мерой всех вещей. Эковоины чувствуют, что человечество в природе играет не более и не менее важную роль, чем любой другой вид, за тем исключением, что мы — единственные, кто может возместить тот ущерб, который мы нанесли планете, разрушая и разоряя её. Именно это уважительное отношение и даёт радикальным активистам основания утверждать, что только путём кардинальных перемен в образе действий индустриального общества *Homo sapiens* и другие виды смогут выжить и благоденствовать спустя несколько ближайших десятилетий.

Многие века некоторые народы, особенно те, что развивали Средиземноморскую ветвь цивилизации, рассматривали себя в некотором отрыве от природы. В первых строках Библии говорится, что Бог сказал Адаму и Еве: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте Землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле». В соответствии с этой интеллектуальной и религиозной традицией, природа представляла собою нечто, с чем следовало бороться, что нужно было покорять, над чем следовало властвовать. Поддерживаемые этой этикой, или, вернее, движимые ею, сотни поколений людей выстроили стену против экологических реалий наших жизней — Эко-Стену, чтобы отгородиться от враждебных сил природы как вне, так и внутри нас.

Но мы зашли слишком далеко. Кислотные дожди, парниковый эффект, разрушение озонового слоя, уничтожение тропических лесов, исчезновение с лица земли многих видов растений и животных — все эти побочные продукты наших попыток управлять и манипулировать всем остальным природным миром теперь медленно удушают и человечество, и всё остальное на планете. Мы обманывались, заставляя себя верить в то, что мы побеждаем в войне с природой, в то время как на самом деле мы боролись против самих себя.

Эко-Стена — экологический вариант разрушенной Берлинской стены. Как и она, Эко-Стена была выстроена в одностороннем порядке, хотя её строили не только коммунисты, но и капиталисты, не только Восток, но и Запад. Даже при существующих ныне «природоохранных» законах (в тех немногих местах, где они существуют) интересы природы — помимо человеческой природы — редко принимаются во внимание. Жизненно важные потребности волков Британской Колумбии в пище и среде обитания мало волнуют местное правительство, заинтересованное в развитии туризма с целью охоты. Змеешейка — крошечная рыбка семейства окунёвых, из-за которой в 1970-х годах могло приостановиться строительство гигантской плотины, только отсрочила «прогресс», пока Конгресс не принял собственного Закона о видах, находящихся под угрозой. По-правде говоря, так называемые потребности людей, в отличие от волков или змеешеек, являются на самом деле только их желаниями: мы хотим иметь возможность убивать сколько угодно животных для собственного удовольствия, мы хотим иметь больше электричества и надёжнее регулировать паводки. Все эти действия не требуются нам для стабильности или выживания, однако у нас есть власть и мощности для их осуществления. Даже Библия говорит нам, что так поступать можно, так почему бы и нет?

Иногда доминирующие философские и юридические системы Греции и Рима принимали во внимание «права» природы. Основной догмат буддизма исповедует эту идею гораздо глубже, полагая, что всё сущее имеет свою собственную, неотъемлемую ценность, и что ни одно существо по своей природе не имеет большей ценности, чем другое. Основной идеей таосизма — религии, возникшей в шестом веке до н. э., было следующее положение: «всё в природе имеет цель, потенциал и важность для вселенной»... Понятие «соседа» в иудаизме — христианстве начинается и оканчивается человеческим обществом. В азиатских доктринах понятие общины, общности не имеет границ». Западная же культура, распространяющаяся по всему миру во всех проявлениях от религии до консьюмеризма (потребительства), бесконечно расширяет идею превосходства человека над всем остальным миром. Однако, используя весь остальной мир для своих собственных нужд, вместо того, чтобы заботиться о нём и о себе, мы оказываемся припёртыми к стене — с трагическими последствиями. Только имея чрезвычайное желание порвать с этой тысячелетней доктриной, сможем мы снести Эко-Стену.

Активисты радикального природоохранного движения принадлежат к числу тех, кто, наряду с таоистами и редчайшим из христиан — Св. Франциском Ассизским, сумели сломать эту стену в себе. Их приверженность экологическому сознанию отличает не только их образ жизни, но и их определение жизни вообще. Они более не воспринимают себя как нечто отдельное от какой-то внешней природы; они — часть этой природы. Ведомые своей высокой убеждёностью в наличии теснейших связей между человечеством и всей

остальной природой, они отказываются идти на компромиссы. Они уверены в том, что выживание мельчайшего насекомого в джунглях, так же как и сохранение самого грандиозного каньона — это вопрос их личной ответственности, гарантия продолжения жизни и эволюции — их долг перед самими собой и перед всеми, кто придёт им на смену. Однако более всего — это долг перед Землёй.

Участники акции по спасению волков понимали, что уничтожение этих животных людьми влечёт за собою невосполнимую потерю. И в самом деле, желание правительства полностью уничтожить то или иное живое существо — глубочайшее свидетельство необъятности Эко-Стены. Однако при наличии предпринимателей и политиков, которых уже не удовлетворяет уничтожение целых видов тут или там, трагедия вырастает до вселенских масштабов. Для радикалов «каждый утраченный вид — невосполнимая потеря». Человечество, говорят они, не имеет абсолютно никаких оснований для оправдания каких бы то ни было действий или бездействия, ведущих к сокращению биологического разнообразия.

Роль радикализма

Если посмотреть значение прилагательного «радикальный» в словаре, то оно окажется совершенно парадоксальным, означая одновременно и «фундаментальный», и «экстремальный». Но если рассмотреть борьбу эковинов за спасение планеты, логика этих противоречивых на вид определений становится понятной. Нет ничего важнее Земли — родительницы, дающей жизнь; при этом бóльшая часть общества считает преступлением поломку тех орудий, инструментов и умонастроений, которые направлены на её разрушение. Основной, фундаментальный взгляд радикального природоохранного движения исходит из прерогативы экологического сознания и биологического разнообразия. Активисты этого движения считают действительно радикальными действия, приводящие к разрушению связей и сокращению биологического разнообразия, такие как охота на волков, строительство плотин на реках, вырубка лесов. Член организации «Земля — прежде всего!» Джеми Сэйн категорична: «Мы рассматриваем это как борьбу за выживание, а не комнатную игру. Это единственный смысл, который я вижу в том, чтобы быть радикальным — радикальная реакция на сумасшествие».

«Environmentalist» (борец за охрану окружающей среды) — понятие несколько туманное. На рудиментарном уровне оно, как будто, относится к тому, кто пытается ограничить разрушение окружающей среды человеком. Но считаться активистом охраны окружающей среды нынче модно. В 1988 году американцы избрали президентом нефтяного магната, друга большого бизнеса, который заявлял, что он — «environmentalist». Даже среди тех, кого по праву считают борцами за охрану окружающей среды, это понятие имеет разные значения. Это происходит потому, что движение за охрану окружающей среды стало в высшей степени расчленённым. Обычно такие организации защищают тот или иной аспект природы: Общество охраны дикой природы занимается, главным образом, государственными землями, Национальная Федерация дикой природы обеспокоена жизнью диких животных, Одюбоновское общество сосредоточивает свои усилия на птицах и местах их обитания, а Гринпис в начале своего существования занимался почти исключительно проблемами морских млекопитающих. Некоторые группы, среди которых особенно заметны

нынешний Гринпис и Сьерра Клуб, рассматривают экологические проблемы более широко, подчёркивая такие вопросы, как токсические и радиоактивные загрязнения, охрана дикой природы и океана. Группы «Благополучие животных», например, Общество спасения животных США (Humane Society of the United States), исключённые из большинства списков «природоохранных» организаций, спонсируют проведение кампаний за прекращение использования натурального меха и содействуют внедрению стабильной агротехники. И то, и другое оказывает пользу окружающей среде в более широком смысле, поскольку улучшает условия жизни животных.

Радикальное природоохранное движение отражает это расчленение: его наземные усилия представлены организацией «Земля — прежде всего!», на море оно представлено группой «Морские пастухи», и третью ветвь представляет организация «Освобождение животных». «Освобождение животных» — название, включающее различные разбросанные группы активистов, которые борются на различных фронтах, имеющих отношение к охране окружающей среды. Они прилагают усилия к тому, чтобы прекратить охоту ради трофеев (или охоту вообще), прекратить эксперименты на животных, интенсивную эксплуатацию животных в сельском хозяйстве и использование животных для развлечения. Они разделяют экологическое сознание, присущее членам «Морских пастухов» и «ЗПВ!», которые не отделяют себя от животных, растений и всего остального мира дикой природы. Членов «Освобождения животных» всё больше заботят негативные воздействия на природную среду, имеющие отношение к их проблемам. К таковым относятся, например, ущерб, наносимый окружающей среде свалками животных отходов, неопределённое воздействие на окружающую среду генетически видоизменённых животных, а также то, насколько важно для многих экосистем, чтобы норки и песцы свободно бегали в них, а не украшали чьи-то плечи. Они находят много общего с членами «ЗПВ!». Саботаж охоты в Британской Колумбии был делом рук этой организации в той мере, в какой эта акция касалась прекращения охоты и спасения отдельных животных; вопросы здоровья экосистемы в целом были заботой «ЗПВ!». Впрочем, такие различия становятся всё менее значимыми, поскольку активисты различных направлений природоохранного движения общаются между собою свободно и без всяких колебаний.

Ненасилие и саботаж

Явно противоречивое применение радикальным природоохранным движением и гражданского неповиновения, и саботажа для разрушения Эко-Стены имеет специальные цели. Для Махатмы Ганди определение было ясным: «Саботаж — это форма насилия. Люди поняли тщетность физического насилия, однако некоторые, по-видимому, думают, что можно добиться успеха с помощью его видоизменённой формы — саботажа». Дело Ганди было радикальным. Применение гражданского неповиновения и отказа от сотрудничества для того, чтобы порвать узы Британского колониализма и добиться независимости Индии как нельзя лучше соответствует приводимому здесь определению понятия «радикальный». В наше время акции гражданского неповиновения того типа, который защищал Ганди, широко практикуются активистами радикального природоохранного движения. Сидение активистов «ЗПВ!» на деревьях в рощах секвойи, подлежащих вырубке, нелегальная стоянка судна «Морской пастух» у входа в порт для того, чтобы воспрепятствовать

избиению морских котиков, занятие подъёмного крана, используемого на строительстве лаборатории для опытов над животными — вот некоторые варианты этой тактики, применяемые эковоидами.

Многие радикалы отказываются идти в своей деятельности дальше гражданского неповиновения, одни — из моральных соображений, другие — из боязни штрафов в случае, если они будут арестованы и обвинены. Однако, в отличие от Ганди и тех участников движения, которые предпринимают разрушение собственности, значительное число радикальных активистов рассматривает гражданское неповиновение просто как тактику. Их подход напоминает то, что Ганди называл «пассивным сопротивлением», которое «не исключает применения невооружённого насилия в случае, если, по мнению его участника, случай требует этого». В качестве примера пассивного сопротивления Ганди приводил суфражисток. Член «ЗПВ!» Роджер Фезерстоун — один из тех, кто поддерживает такую градацию тактик. «Я думаю, нам важно понять, что возможность применения какого-нибудь более сильного средства, чем простое ненасилие, значительно мощнее, чем ненасилие как образ жизни», — говорит он. — «Если власти знают, что такой-то и такой-то — абсолютный сторонник ненасилия и никогда не переступит эту грань, то к нему будет значительно меньше уважения, чем в том случае, когда они понимают, что, если ненасилие не сработает, найдётся и что-нибудь другое. Ненасилие лучше всего работает на нас».

«Что-нибудь другое» по Фезерстоуну — это саботаж и разрушение собственности. Хотя и он, и другие называют саботаж и вандализм насилием, однако для целей этой книги мы называем «насилием» причинение вреда живым или неживым природным объектам, например, склону горы. Практическое приложение данного определения заключается в том, чтобы исключить разрушение артефактов, изготовленных человеком, — машин и т.п. — из понятия «насилие». Австралийский радикал Джон Сид идёт даже дальше, говоря, что разрушение бульдозера с целью защиты окружающей среды — это «совершенствование собственности», высшее и наилучшее его применение для того, чтобы оставить место его пребывания в естественном состоянии.

Большинство радикальных экологов разделяют неприязнь к технологическим преимуществам в нашей повседневной жизни, видя в них симптомы стремления нашей культуры управлять природой. Они чувствуют, что разрушение машин — эффективная и необходимая часть их деятельности по защите окружающей среды: некоторые члены «Освобождения животных» прибегали даже к поджогу. В своей технофобии, если не в разрушении техники, на которое они иногда идут, активисты радикального природоохранного движения не одиноки — они в хорошей компании. Стивен Фокс, историк природоохранного движения, относит к числу мыслителей — антимодернистов «самые мощные и оригинальные умы в истории Америки», в том числе Томаса Джефферсона, Ральфа Валдо Эмерсона, Генри Дэвида Торо, Марка Твена, Роберта Фроста и Льюиса Мамфорда. Каждый из них считал «современный прогресс — города, строительство и человеческую самонадеянность — в лучшем случае неоднозначным, вероятно, не более, чем вредной иллюзией, подменяющей душевное равновесие и целостность менее важными физическими улучшениями».

В своём неприятии прогресса эковоины чувствуют своё родство не только с этими великими мыслителями, но и с рабочим классом, давно уже выражавшим протест против новых технологий, которые заполняют их дни тяжёлым, нудным трудом, из-за которых они нередко остаются без работы, иногда рискуют жизнью, а выигрывают очень мало. Такие жалобы переполнили чашу терпения в начале 1880-х годов, когда рабочие чулочной фабрики в Британии, называвшие себя последователями «Генерала Лудда», или «луддитами», восстали против машин — инструмента в руках их угнетателей. Истинное происхождение названия «луддиты» неясно, хотя имеются данные о том, что это видоизменённое имя «Н.Лудлэм». Так звали юношу из Лейстершира, который, придя в ярость от утомительной, однообразной работы, в один прекрасный день схватил молоток и стал крушить иглы. С тех пор «луддитом» называют технофоба или саботажника. «Экологическим саботажем», или «экосаботажем», луддиты охраны природы называют разрушение техники для защиты природы. Он включает и протаранивание китобойных судов Полом Уотсоном, и уничтожение лабораторного оборудования, которое использовалось для вивисекции, и забивание шипов в деревья, чтобы не дать их спилить. Активисты, ставшие на этот путь, практически не видят для себя иных возможностей. Они настаивают на том, что их деятельность не насильственна, поскольку они принимают меры для того, чтобы не навредить другим людям: предупреждают лесорубов, что в деревья забиты шипы, до того, как они начнут валить деревья, поджигают только пустующие строения, и т.д. Это, возможно, и не делает их действия этически и нравственно оправданными с точки зрения традиционных стандартов, но отличает их от террористов, которым безразличны жизни людей, которых они подвергают опасности.

«Вопрос войны»

В то время как некоторые ратуют за «понимание» и «терпение» в попытках усмирить экологического «джинна», выпущенного человечеством из бутылки, радикалы считают, что время такого умеренного поведения прошло давным-давно. «Я считаю это вопросом войны», — говорит Деррил Черни, организатор из «ЗПВ!», который однажды провёл десять дней в тюрьме за то, что сидел на дереве, принадлежавшем лесоперерабатывающей компании. Радикальное природоохранное движение — «не агрессор; мы выступаем в роли защитников окружающей среды. На нас нападают, и мы применяем ненасильственные методы самозащиты — насколько это возможно». Черни и другие спрашивают, каким же должно быть так называемое «рациональное» направление действий против таких абсолютно иррациональных явлений, как правительства, субсидирующие убийство миллионов животных в год и отказывающиеся прекратить уничтожение тропических лесов. В то время, когда углублённое изучение естественных процессов Земли даёт всё более ясное представление о них, нет смысла увековечивать образ жизни, который только усугубляет экологическое разрушение. Пришло время, говорят эковоины, подниматься из подполья на эту войну, на борьбу против засилья техномании, захлёстывающей каждый уголок Земли от Силиконовой долины до долины реки Амазонки, от глубоких морей до высочайших горных вершин, в которых находят хоть унцию серебра или золота.

Что движет этими людьми? В конце своей отрезвляющей книги «Конец природы» Билл МакКиббен спрашивает: «Если бы существование природы только кончалось, мы могли бы

приложить бесконечную энергию, чтобы возродить её; но если её существование уже закончилось, за что же мы боремся?» Если КОНЕЦ действительно незаметно проскользнул мимо нас незамеченным, и мы — только актёры, играющие в развязке драмы Земли, зачем же тогда вообще беспокоиться о разрушении Эко-Стены? Зачем бороться за окружающую природу, рискуя своей свободой и даже жизнью, как эко-воины, когда всё равно уже слишком поздно? Когда я интервьюировал для данной книги активистов радикального природоохранного движения, все они, один за другим, отвечали на этот вопрос одно и то же: «Потому что мы должны». Отказ — не в их духе. У них в крови — огненный, задиристый дух. Их рассказы лучше всего помогут понять те устремления, которые толкают их на такую страстную борьбу с непреодолимой на вид Эко-Стеной.

Версия #2

Зверобой создал 20 апреля 2025 19:14:21

Зверобой обновил 20 апреля 2025 19:16:52